

## РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91).  
 Political Linguistics. 2022. No 1 (91).

УДК 81'272:811.112.2'42

ББК Ш143.24-51+Ш121

doi: 10.26170/1999-2629\_2022\_01\_10

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

Екатерина Игоревна Кожевникова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, katarina2178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4502-632X>

## Специфика репрезентации языковой политики ФРГ в юридическом тексте

**АННОТАЦИЯ.** Исследование посвящено анализу языковых средств репрезентации языковой политики ФРГ в тексте законопроекта «Ausarbeitung. Sprache im Grundgesetz». Отсутствие конституционного статуса немецкого языка в ФРГ и осознание такой необходимости послужили стимулами к разработке указанного законопроекта. В своей работе мы рассматриваем различные подходы к определению языковой политики и выделяем две основные точки зрения, а именно: языковая политика как регулятор использования языка (уровней языка) или языков в рамках общества, государства, класса; языковая политика как инструмент государственных органов, направленный на увеличение благосостояния общества. В своем исследовании мы придерживаемся первой точки зрения на сущность языковой политики как наиболее характерной для юридических документов.

Целью работы является определение, как и какими языковыми средствами репрезентируется языковая политика ФРГ в юридическом тексте, для чего мы решаем такие задачи, как выявление аспектов репрезентации немецкого языка в контексте языковой политики и проведение лингвистического анализа юридического текста.

Мы анализируем материал с позиции социально-конструкционистского подхода, а также обращаемся к теории социальных акторов Т. ван Лёвена. В ходе анализа нами выявлено, что в рассматриваемом законопроекте возможно выделение следующих аспектов репрезентации немецкого языка: как инструмента единения людей, актуализации национальной идентичности; как составляющей государственной власти; как элемента общности с другими странами. В ходе лингвистического анализа мы выделяем различные языковые средства, используемые авторами законопроекта при изложении аспектов репрезентации немецкого языка. Здесь немецкий язык играет роль семантического пациента, испытывая воздействие со стороны агенса, представленного государством, органами госвласти, населением, обществом, английским языком.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** конституция, Конституция ФРГ, статус немецкого языка, немецкий язык, языковая политика, языковые средства, юридический дискурс, юридические тексты, социально-конструкционистский подход, социальные акторы

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Кожевникова, Е. И. Специфика репрезентации языковой политики ФРГ в юридическом тексте / Е. И. Кожевникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 97-105. — DOI: 10.26170/1999-2629\_2022\_01\_10.

## LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Ekaterina I. Kozhevnikova

Penza State University, Penza, Russia, katarina2178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4502-632X>

## Specific Features of the FRG Language Policy Representation in the Legal Text

**ABSTRACT.** This article deals with the analysis of the linguistic means of representation of the FRG language policy in the text of the bill «Ausarbeitung. Sprache im Grundgesetz». The absence of the constitutional status of the German language in the FRG and the realization of such need stimulated the development of the corresponding bill. The study considers various approaches to the definition of language policy and singles out two main points of view: language policy as a regulator of the language use within society, state or class; language policy as an instrument of state organs aimed at improving the well-being of society. In this paper, the author sticks to the first view point as the most typical one for legal documents.

The aim of the study is to define how and through what linguistic means the FRG language policy is represented in the legal text. For this purpose, the author formulates such tasks as identifying the aspects of the representation of the German language in the context of language policy and carrying out a linguistic analysis of the legal text.

The article analyzes the material from the standpoint of the socio-constructionist approach and turns to the theory of social actors of T. van Leeuwen. The analysis has revealed that it is possible to distinguish the following aspects of the representation of the German language in the text of the bill: as a tool for uniting people, for achievement of national identity; as a constituent of state power; and as an element of unity with other countries. Various linguistic means used by the authors of the bill to describe the aspects of representation of the German language have been identified in the course of linguistic analysis. The German language plays here the role of semantic patient, influenced by the agent represented by the state, organs of state power, population, society, and the English language.

**KEYWORDS:** *constitution, Constitution of the FRG, status of the German language, German language, language policy, linguistic means, legal discourse, legal texts, socio-constructionist approach, social actors*

**FOR CITATION:** Kozhevnikova E. I. (2022). Specific Features of the FRG Language Policy Representation in the Legal Text. In *Political Linguistics*. No 1 (91), pp. 97-105. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629\_2022\_01\_10.

## 1. ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОД И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Взаимовлияние языка и общества рассматривается в различных направлениях лингвистики. Социолингвистика, юрислингвистика, критический дискурс-анализ изучают как характеристики языковых систем, так и примеры взаимозависимости между языком и социумом.

Язык является средством единения нации, однако на территории большинства государств функционируют несколько языков (или вариантов одного языка), и их сосуществование является собой актуальную социальную проблему, которую мы рассматриваем с помощью категории языковой политики (далее — ЯП). При исследовании ЯП в Германии мы обращаемся к содержанию юридического текста, анализируя его как потенциальный источник права и изучая его конструирующий лингвистический потенциал. Т. В. Дубровская, рассматривающая право с точки зрения социально-конструкционистского подхода [Дубровская 2016; Политический, юридический ... 2017], описывала юридический текст как элемент дискурсивной практики, представляющий собой «объект лингвистического анализа с целью выявления в нем лингвистических средств, концептуализирующих нормативную языковую ситуацию», на примере текста Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» [Дубровская 2020: 38]. В данной статье мы будем анализировать материал также с позиции социально-конструкционистского подхода.

В своей работе мы обращаемся к теории социальных акторов Т. ван Лёвена [Leeuwen 2008]. При определении социального актора мы придерживаемся дефиниции П. Бейкера и С. Эллис, согласно которой «социальными акторами являются агенты, осуществляющие действия; могут быть как одушевленными, так и включать в себя группы или абстрактные организации (органы государственной власти, объединения, сообщества)» [Baker, Ellice 2011: 133] (перевод с немецкого и английского здесь и далее мой. — Е. К.).

Т. ван Лёвен под социальными акторами понимает участников социальных практик [Leeuwen 2008: 36]. Под социальными практиками ученый подразумевает «общественно регулируемые способы действия» [Leeuwen 2008: 6]. Мы придерживаемся класси-

фикации социальных акторов в соответствии с репрезентацией в текстах их активных или пассивных ролей, т. е. употребления как агенса или пациенса [Leeuwen 2008: 23].

**Целью** исследования является определение, как и какими языковыми средствами репрезентируется языковая политика ФРГ в юридическом тексте. Для этого необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить аспекты репрезентации немецкого языка в контексте языковой политики;
- провести лингвистический анализ юридического текста.

Действующая Конституция ФРГ [Grundgesetz ... 1949] не содержит упоминаний о правовом статусе немецкого языка. Также в стране не приняты иные нормативные правовые акты, определяющие его правовой статус и меры поддержки. Помимо немецкого языка и двадцати его диалектов [Deutsche Welle ...], на территории ФРГ присутствуют языки языковых меньшинств. В Германии ратифицирован соответствующий Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств [European Charter ... 2010] документ «Текущая ситуация. Региональные и миноритарные языки, их продвижение в Германии» [Sachstand ... 2019], согласно которому в ФРГ подлежат защите шесть языков языковых меньшинств [Sachstand ... 2019: 5–6]. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: региональные и миноритарные языки имеют юридический статус и находятся под защитой законодательства, а немецкий язык — нет. Однако в 2006 г. была разработана законодательная инициатива [Ausarbeitung ... 2006] по внесению поправки о языке в основной закон. Текст указанного документа «Проект. Язык в Конституции» [Ausarbeitung ... 2006] (далее — Проект) является **материалом** нашего исследования.

Научная новизна исследования обусловлена тем фактом, что ранее текст законопроекта о включении статьи о наделении немецкого языка статусом государственного в Конституцию ФРГ с позиции социально-конструкционистского подхода не анализировался.

## 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Языковая политика государства привлекает внимание социолингвистов начиная с

20-х гг. XX века. У истоков исследований ЯП стояли В. А. Аврорин [Аврорин 1960], Ю. Д. Дешериев [Дешериев 1977], А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский [Швейцер, Никольский 1978]. Одной из причин пристального внимания ученых к ЯП явилось языковое строительство в СССР 20-х и 30-х гг. XX в., однако и по сей день вопросы сбережения языков, лингвоэкологии, сохранения национальной идентичности активно обсуждаются в научном сообществе. Автором одного из классических определений ЯП является Ю. Д. Дешериев: «Языковая политика — совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев 1998: 616].

В словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило ЯП определяется следующим образом: «Совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для принятия новых или сохранения употребляющихся языковых норм» [Жеребило 2010: 479]. В качестве субъектов ЯП выделяются государство, государственные институты, а также общественные объединения, а объектами ЯП выступают языки и/или языковые подсистемы (т. е. уровни одного языка) с целью их сохранения или изменения. В отличие от определения Ю. Д. Дешериева, дефиниция Т. В. Жеребило рассматривает меры по сохранению существующей языковой ситуации, а также по ее изменению, которое не обязательно должно быть обусловлено наличием проблем в государстве.

Определения ЯП, сходные с рассмотренными выше, приводят А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский [Швейцер, Никольский 1978: 117], С. Н. Кузнецов [Кузнецов 2017: 97], Д. К. Джонсон [Johnson 2013: 9], Ю. Шарнхорст [Scharnhorst 2006: 11]. Таким образом, можно выделить интерпретацию ЯП как регулятора использования языка/языков и их функционального распределения, которая может осуществляться широким кругом деятелей — от отдельных личностей до всего государства в целом.

Перейдем к иной точке зрения на ЯП. Дж. Фишман приводит следующее определение: «Языковая политика — это систематические, рациональные, теоретически обоснованные усилия на уровне общества по изменению языковой среды с целью увеличения совокупного благосостояния. Как правило, они проводятся официальными органами и направлены на всё население

или его часть, проживающую под их юрисдикцией» [Fishman 1999: 19]. Исследователь сужает число возможных субъектов ЯП и привносит в определение экономическую составляющую, определяя целью ЯП увеличение уровня благосостояния. Аналогичные по значению определения ЯП приводят Ф. Грин [Grin 1999: 18], В. Довалил [Dovalil 2005: 106–107]. Таким образом, можно выделить группу определений, в которых ЯП понимается как действия государственных органов, направленные на увеличение благосостояния общества.

Основываясь на рассмотренных выше определениях, выделим две основные точки зрения ученых на ЯП:

1) ЯП как регулятор использования языка (уровней языка) или языков в рамках общества, государства, класса (В. В. Виноградов, Т. В. Жеребило, А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский, С. Н. Кузнецов, Ю. Шарнхорст, Д. К. Джонсон);

2) ЯП как инструмент государственных органов, направленный на увеличение благосостояния общества (В. Довалил, Дж. Фишман, Ф. Грин).

В своем исследовании мы будем придерживаться первой точки зрения на ЯП, что обусловлено характером материала исследования.

### 3. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ТЕКСТЕ ПРОЕКТА

Анализ текста Проекта [Ausarbeitung ... 2006] показал возможность выделения следующих аспектов репрезентации немецкого языка в рассматриваемом документе:

- немецкий язык как инструмент единения людей, актуализации национальной идентичности;
- немецкий язык как составляющая государственной власти;
- немецкий язык в статусе государственного как элемент общности с другими странами.

Немецкий язык как **инструмент единения граждан, актуализации национальной идентичности** находит свое отражение в следующих фрагментах Проекта:

(1) <...> *Etwa 100 Millionen Menschen in Deutschland, in Österreich, in Liechtenstein, in der deutschsprachigen Schweiz sowie Bewohner anderer Staaten sprechen die deutsche Sprache, so beispielsweise Luxemburger, Belgier, Franzosen, Dänen und Italiener. Außerhalb Europas bestehen Sprachinseln u. a. in Kanada, den USA,*

*in Brasilien, Mexiko, Paraguay, Chile, Argentinien und Australien sowie in Namibia und der Republik Südafrika* [Ausarbeitung... 2006: 3–4].

В приведенном примере немецкий язык репрезентуется как связующее звено, инструмент единения для 100 млн человек по всему миру. Здесь можем выделить таких акторов, как *немецкий язык (die deutsche Sprache)* и *люди*. При репрезентации актора *люди* используются как гиперонимы (*Menschen, Bewohner anderer Staaten*), так и гипонимы (при указании названий конкретных национальностей: *Luxemburger, Belgier, Franzosen, Dänen und Italiener*), что позволяет выразить всё многообразие стран и национальностей, являющихся носителями и/или пользователями немецкого языка, продемонстрировать распространенность немецкого языка не только в Европе, но и далеко за её пределами. В роли агенса выступают люди (именительный падеж), а пациенсом является немецкий язык, что грамматически выражено посредством формы винительного падежа (*etwa 100 Millionen Menschen (Nom.) <...> sowie Bewohner (Nom.) anderer Staaten sprechen die deutsche Sprache (Akk.), so beispielsweise Luxemburger, Belgier, Franzosen, Dänen und Italiener (Nom.)*). Предикат выражен глаголом *sprechen* в грамматической форме Präsens Indikativ. Ю. П. Князев отмечает: «Представление же о наст. вр. как о форме, обозначающей срединную фазу ситуации, определяет другие его семантические обертоны: снятие временных границ, незавершенность и обобщенность» [Князев 2007: 399]. Таким образом, *sprechen* имеет семантику обобщенности (для всех лиц, выраженных субъектом), а также обозначает незавершенность действия, продолжающееся использование немецкого языка и по сей момент.

Перейдем к следующему примеру:

- (2) — *Die deutsche Sprache verliere aufgrund des starken Einflusses der englischen Sprache erheblich an Bedeutung. Diesem Bedeutungsverlust müsse vorgebeugt werden, damit die deutsche Sprache ihre Bindungs- und Integrationskraft nicht verliere <...>*.

— *Psychische Folgen könnten sein, dass Unsicherheiten und mangelndes Zusammengehörigkeitsgefühl durch die Abwertung der eigenen Sprache entstünden* [Ausarbeitung... 2006: 4–5].

В приведенном отрывке текста Проекта рассматриваются возможные негативные последствия отсутствия конституционно закрепленного статуса немецкого языка в будущем. Лексические единицы, выражающие

гипотетические итоги, указывают на снижение значимости немецкого языка (*Bedeutungsverlust*), отсутствие уверенности и чувства сплоченности граждан (*Zusammengehörigkeitsgefühl*), снижение роли немецкого языка как связующего звена между членами гражданского общества (*Bindungs- und Integrationskraft*).

Здесь сложные существительные с семантикой единения (*Bindungs- und Integrationskraft, Zusammengehörigkeitsgefühl*) используются стратегически. Сложные отглагольные существительные содержат в своем составе морфемы *Bindungs-, Integrations-, Zusammen-* с семой реципрокальности, характеризующейся наличием двух и более участников, являющихся субъектом действия по отношению к другим участникам и вместе с тем объектом или адресатом действия с их стороны [Князев 2007: 270–271]. Кроме того, в рассматриваемом фрагменте наблюдается рекуррентность лексики *Sprache*, что подчеркивает значимость языка.

Анализируя предикаты, видим, что они употребляются в грамматических формах Gegenwartsform des Konjunktivs I [Тагиль 2010: 156] (*die deutsche Sprache verliere; müsse vorgebeugt werden; die deutsche Sprache <...> nicht verliere*) и Gegenwartsform des Konjunktivs II (*könnten sein, entstünden*), посредством которых выражается предположение [Тагиль 2010: 148] авторов Проекта относительно возможных последствий.

Здесь *немецкий язык (die deutsche Sprache)* играет роль семантического пациенса, подверженного негативному воздействию агенса — *влиянию английского языка (des starken Einflusses der englischen Sprache)*. Рассматриваемый фрагмент содержит определения, образующие подчинительные словосочетания с существительными. Словосочетания различны по структуре: в первом главный компонент — существительное с подчиненным ему прилагательным (*des starken Einflusses*), а во втором — наречие, которому подчинено существительное (*erheblich an Bedeutung*). Цель законодателя при использовании определений — дать характеристики явлениям, создавая основания для собственных законодательных инициатив.

Перейдем к следующему примеру:

- (3) *Trotz fehlender Normierung geht die überwiegende Auffassung in der Literatur davon aus, dass die deutsche Sprache als Staatssprache Verfassungsrang hat — auch ohne ausdrückliche Erwähnung im Grundgesetz. Dies wird damit begründet, dass sich das Grundgesetz durch das „Deutsche Volk“ [Grundgesetz... Art. 1] legitimiere,*

eine „Bundesrepublik Deutschland“ (Grundgesetz... Art. 20) statuiert und die „deutsche Staatsangehörigkeit“ [Grundgesetz... Art. 116] gesichert sei. Bestimmte Grundrechte richten sich explizit an deutsche Menschen und nicht zuletzt ist die Sprache, in der Grundgesetz selbst geschrieben ist, die deutsche Sprache. Inzident gebe danach das Grundgesetz selbst die Staatssprache vor [Ausarbeitung... 2006: 4–5].

В рассматриваемом фрагменте видим использование интертекстуальности — приводятся цитаты из Конституции (*das **deutsche** Volk; Bundesrepublik **Deutschland**; **deutsche** Staatsangehörigkeit*). При определении интертекстуальности мы придерживаемся трактовки Н. Ферклофа: «В наиболее общем смысле интертекстуальность — это наличие элементов одного текста внутри другого, т. е. цитат» [Fairclough 2004: 39]. Используемые цитаты представляют собой логический ряд, в продолжение которого авторы Проекта допускают возможность поставить немецкий язык как язык, на котором Конституция и написана (*die Sprache, in der Grundgesetz selbst geschrieben ist, die **deutsche** Sprache*). Немецкий язык представлен как логическое и само собой разумеющееся продолжение звеньев данной цепи: немецкий народ — ФРГ — немецкое гражданство — немецкий язык.

Анализируемый отрывок изобилует лексикой с морфемой *deutsch-* (*das **deutsche** Volk; Bundesrepublik **Deutschland**; **deutsche** Staatsangehörigkeit; **deutsche** Menschen; die **deutsche** Sprache*), что является плеоназмом, употребление которого обусловлено необходимостью сделать акцент, подчеркнуть роль немецкого языка как инструмента единения граждан, связующего звена, неотъемлемого атрибута национальной идентичности и принадлежности к своей стране.

Анализируя предикаты, можем выделить употребление *Präsens Indikativ* как в активном (***geht** die überwiegende Auffassung <...> **aus**, dass die deutsche Sprache als Staatssprache Verfassungsrang **hat**; bestimmte Grundrechte **richten** sich explizit **an** deutsche Menschen; und nicht zuletzt **ist** die Sprache*), так и в пассивном залогах (*dies **wird** damit **begründet**; in der Grundgesetz selbst **geschrieben ist***). Отметим употребление отглагольных существительных с атрибутами в форме *Partizip I* (*trotz **fehlender** Normierung; die **überwiegende** Auffassung*). И. П. Тагиль отмечает: «Партицип I выражает длящееся, незаконченное действие, одновременное с действием сказуемого, и имеет активное

значение» [Тагиль 2010: 201]. Таким образом, в начале рассматриваемого фрагмента текста Проекта активный и реальный характер действий выражен дважды — с помощью атрибута в форме *Partizip I* и предиката в *Präsens Indikativ*.

В приведенном фрагменте глаголы стоят и в *Konjunktiv I* (*dass sich das Grundgesetz <...> **legitimiere**; die „deutsche Staatsangehörigkeit“ <...> gesichert **sei**; **gebe** danach das Grundgesetz selbst die Staatssprache **vor***). И. П. Тагиль выделяет употребление глаголов в форме *Konjunktiv I* для выражения реального условия, допущения [Тагиль 2010: 161]. Ю. П. Князев отмечает: «Отношение высказывания к действительности в плане его реальности / ирреальности обычно считается семантическим центром модальных значений и наклонения как грамматикализованной модальности (или хотя бы одним из основных таких центров)» [Князев 2007: 145]. Таким образом, видим противопоставление реального ирреальному, а именно действительно закрепленным в Конституции ФРГ понятиям немецкого народа, государства, гражданства — якобы закрепленному понятию немецкого языка как государственного.

Здесь немецкий язык играет роль семантического пациенса. Над немецким языком якобы совершено действие (закрепление в основном законе), а также он представляет собой средство выражения, способ, посредством которого осуществлена фиксация Конституции на бумаге. Пациенсами также здесь являются немецкий народ (*das deutsche Volk*), ФРГ (*Bundesrepublik Deutschland*), немецкое гражданство (*deutsche Staatsangehörigkeit*), немецкие граждане (люди) (*deutsche Menschen*), статус которых закреплен (либо якобы закреплен) в Конституции. Агенса в приведенном фрагменте эксплицитно не выражен.

Немецкий язык как **составляющая государственной власти** конструируется в следующем фрагменте Проекта:

- (4) *Hinsichtlich der Gesetzgebungskompetenz hilft der Blick auf die Auseinandersetzung um die Aufnahme der Kultur als Staatsziel ins Grundgesetz. Der Widerstand der Länder ist hierbei vor allem auf die Befürchtung gegründet, der Bund erlange durch eine Erwähnung der Kultur im Grundgesetz zusätzliche Kompetenzen aus dem Bereich der „Kulturhoheit“ der Länder. In ihrem Zwischenbericht hat die Enquete-Kommission des Deutschen Bundestages „Kultur in Deutschland“ vorgeschlagen, das Grundgesetz um einen Artikel 20b mit folgender Formulierung zu ergän-*

zen: „Der Staat schützt und fördert die Kultur“ [Zwischenbericht... 2005: 12]. Bei dieser Formulierung dürften die Bedenken der Länder unbegründet sein. Der Bund könnte hieraus Kompetenzen weder als Gesetzgeber noch als Vollziehender ableiten. Der „Staat“ wäre in diesem Falle die jeweils zuständige Körperschaft, also grundsätzlich die Länder [Zwischenbericht... 2005: 9]. In Anlehnung an diese Betrachtung wäre das Kompetenzgefüge zwischen Bund und Ländern nicht betroffen, soweit lediglich geregelt würde: „Die Staatssprache ist deutsch“. Gebunden an diese Festsetzung wären — wie jetzt auch — nur staatliche Organe bzw. die handelnden Amtsträger [Jochum 2003: 27] [Ausarbeitung... 2006: 9].

Здесь проводится аналогия между опасениями властей федеральных земель относительно статьи в Конституции о защите культуры и опасениями по введению статьи о статусе немецкого языка как государственного, т. е. немецкий язык рассматривается как инструмент воздействия органов федеральной власти на власть на местах. Указанная аналогия являет собой пример «анафорических отношений между языковыми выражениями» [Падучева 1998: 32] и репрезентируется посредством интертекстуальности. Первая часть анализируемого отрывка является «антецедентом, а второй — анафором» [Падучева 1998: 32]. Видим, что в рассматриваемом фрагменте интертекстуальность представлена тремя ссылками — двумя на промежуточный отчет комиссии по рассмотрению вопроса о внесении поправки о культуре в Конституцию [Zwischenbericht ... 2005] и цитатой из статьи профессора юриспруденции Хайке Йохум в журнале «Правовая политика» [Jochum 2003: 27]. Целью приведения первых двух указанных ссылок является проведение аналогии между дискуссиями о поправках в немецкую Конституцию о культуре и дискуссиями о внесении поправок в основной закон ФРГ о государственном языке. Авторы таким образом обосновывают несостоятельность опасений руководства федеральных земель относительно уменьшения самостоятельности, которое гипотетически может произойти после внесения в основной закон поправок. Ссылка на Х. Йохум позволяет авторам Проекта сослаться на мнение авторитетного источника, который также придерживается позиции, что принятие поправки о языке в Конституции ФРГ на самостоятельности федеральных земель не отразится.

Здесь репрезентация немецкого языка как составляющей государственной власти осуществляется посредством лексических единиц со значением государственности (**Staatsziel**, **der Widerstand der Länder**, **der Bund**, **Kompetenzen <...> der Länder**, **die Enquete-Kommission des Deutschen Bundestages**, **der Staat**, **die Bedenken der Länder**, **zuständige Körperschaft**, **staatliche Organe**, **die handelnden Amtsträger**), содержащих в своем составе морфемы *Staat-*, *Land-*, *Bund-*, *Amt-*.

Анализируя предикаты, видим, что антецедент представлен с помощью глаголов в наклонении Индикатив (*der Gesetzgebungskompetenz hilft der Blick auf; der Widerstand <...> ist <...> gegründet; <...> hat die Enquete-Kommission <...> vorgeschlagen; „Der Staat schützt und fördert die Kultur“; „Die Staatssprache ist deutsch“*) и инфинитивного оборота для выражения цели (*das Grundgesetz um einen Artikel 20b mit folgender Formulierung zu ergänzen*).

Анафор выражен посредством глаголов в наклонении Конъюнктив II для выражения предположения [Тагиль 2010: 157] (*<...> dürften die Bedenken der Länder unbegründet sein; der Bund könnte hieraus Kompetenzen <...> ableiten*) [Тагиль 2010: 157] и возможности [Тагиль 2010: 157] (*der „Staat“ wäre in diesem Falle die jeweils zuständige Körperschaft; in Anlehnung <...> wäre das Kompetenzgefüge zwischen Bund und Ländern nicht betroffen; gebunden an diese Festsetzung wären; soweit lediglich geregelt würde*). В данном примере Конъюнктив II представляет собой «косвенное наклонение, употребление которого обусловлено синтаксической зависимостью глагольной словоформы от слов со значением желания, возможности, необходимости, создающих контекст ирреальности, <...> обычно называют конъюнктивом. <...> Такие косвенные наклонения используются для выражения „позитивной“ ирреальности» [Князев 2007: 147]. Таким образом, в рассматриваемом отрывке прослеживается противопоставление индикатива в первой части конъюнктиву второй, т. е. «признака реальность / ирреальность» [Князев 2007: 146], а точнее — реальность / положительная ирреальность. Положительной ирреальностью являются последствия закрепления статуса государственного языка за немецким языком.

Перейдем к следующему примеру:

(5) *Mit der Aufnahme der Staatssprache könnte Einfluss auf die politische Auseinandersetzung und die Bildung der öffentlichen Meinung genommen werden. Die Verankerung könnte geeignet*

*sein, die deutsche Sprache stärker in das Bewusstsein der staatlichen Organe und der Bevölkerung zu rücken* [Ausarbeitung... 2006: 9].

Приведенный отрывок посвящен выражению гипотетически возможных положительных последствий для общества после принятия поправки к Конституции о статусе немецкого языка. В частности, указываются возможное влияние языка на политические обсуждения, формирование общественного мнения, на возможное повышение внимания к немецкому языку со стороны государственных органов и общественности.

Анализируемый фрагмент содержит лексику государственности и власти (*Staats-sprache; politische Auseinandersetzung; Bewusstsein der staatlichen Organe*), посредством которой конструируется официальный статус немецкого языка, а также семантически выражены предполагаемые последствия закрепления статуса немецкого языка в Конституции ФРГ (*die deutsche Sprache stärker in das Bewusstsein <...> zu rücken*). Для репрезентации роли государства употребляются предикаты в форме Konjunktiv II Passiv (*könnte <...> genommen werden; könnte geeignet sein*). Здесь с помощью конъюнктива выражается нереальность (следствие) и предположение [Тагиль 2010: 148] относительно гипотетических последствий принятия решения.

В данном отрывке родительный падеж (Genitiv) употребляется в двух функциях: как объектный генитив (Objektsgenitiv) [Eisenberg 2013: 252] (*Aufnahme der Staatssprache; Bildung der öffentlichen Meinung*) и как субъектный (Subjektsgenitiv) [Eisenberg 2013: 252] (*das Bewusstsein der staatlichen Organe und der Bevölkerung*). Objektsgenitiv репрезентирует семантические пациенсы (государственный язык (*Staatssprache*) и общественное мнение (*öffentlichen Meinung*)). Subjektsgenitiv служит для репрезентации семантических агенсов (государственных органов (*staatlichen Organe*) и общества (*Bevölkerung*)).

Перейдем к рассмотрению **немецкого языка в статусе государственного как элемента общности с другими странами**:

- (6) *In 15 Länder der EU und in Kanada ist die National Sprache bzw. sind die Nationalsprachen in der Verfassung verankert. Konkrete Bestrebungen, dies auch in Deutschland im Grundgesetz zu regeln, gibt es bislang nur auf der außerparlamentarische Ebene. <...> Soweit es in anderen Staaten entsprechende Diskussionen gibt, resultieren diese überwiegend daraus, dass es dort — anders als in Deutschland —*

*mehrere größere Sprachgemeinschaften gibt* [Ausarbeitung... 2006: 3].

Здесь представлены сведения о закреплении статуса государственного языка в основном законе в других 16 странах, после чего сразу осуществляется переход к положению дел в Германии (*In 15 Länder der EU und in Kanada ist die National Sprache<...> in der Verfassung verankert. <...> dies auch in Deutschland im Grundgesetz zu regeln, gibt es bislang nur auf der außerparlamentarische Ebene*), в которой дискуссии относительно данного вопроса ведутся на внепарламентском уровне. Подобное противопоставление «они — мы» являет собой антитезу.

Во втором абзаце отрывка антитеза вновь используется для противопоставления «другие страны — Германия» (*<...> es in anderen Staaten entsprechende Diskussionen gibt, <...> dass es dort — anders als in Deutschland — mehrere größere Sprachgemeinschaften gibt*).

Стоит отметить, что предлагаемая поправка сформулирована как: «Die Staats-sprache ist deutsch». В первом абзаце отрывка употребляются такие лексические единицы, как *die National Sprache / die Nationalsprachen*, а во втором — указывается уточнение (*anders als in Deutschland — mehrere größere Sprachgemeinschaften gibt*). Выбор лексем и уточнение представляют собой лингвистические средства описания разности языковых ситуаций в ФРГ и иных странах и является возможным объяснением в различии конституционного статуса языков. В Германии дискуссии ведутся о государственном статусе одного только немецкого языка (отсюда *Staatssprache*), в других же указанных странах речь идет о нескольких языках разных народов, одновременно функционирующих на территории государств (*Nationalsprachen*). *Die National Sprache, die Nationalsprachen, Sprachgemeinschaften, konkrete Bestrebungen* (здесь — обсуждения статуса немецкого языка) в представленном фрагменте играют роль пациенсов, что грамматически выражено с помощью предиката в форме Passiv Indikativ (*<...> ist die National Sprache bzw. sind die Nationalsprachen in der Verfassung verankert*), а также объектным положением в винительном падеже в сочетании с оборотом *es gibt* (*Konkrete Bestrebungen <...> gibt es; es <...> entsprechende Diskussionen gibt; dass es dort <...> mehrere größere Sprachgemeinschaften gibt*).

#### 4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Отсутствие закрепления статуса немецкого языка в Конституции ФРГ и осознание необходимости этого действия стали стимулами к разработке законопроекта «Ausarbeitung. Sprache im Grundgesetz», репрезентирующего немецкий язык как государственный язык ФРГ, который одновременно имеет несколько ключевых функций: немецкий язык как инструмент единения людей, актуализации национальной идентичности; немецкий язык как составляющая государственной власти; немецкий язык в статусе государственного как элемент общности с другими странами.

2. Текст Проекта имеет довольно сложную структуру, содержит ссылки на другие законодательные тексты и работы других авторов. Целью авторов Проекта было всестороннее рассмотрение вопроса о возможности / невозможности принятия поправки о немецком языке в конституцию ФРГ, о возможных последствиях принятия / непринятия такого решения на высшем уровне. Подобное всестороннее рассмотрение осуществляется с помощью широкого использования интертекстуальности.

3. В тексте Проекта немецкий язык играет роль семантического пациенса, испытывая воздействие со стороны агенса, который представлен государством, органами государственной власти, населением, обществом, английским языком.

4. При анализе отношений «агенса — пациенса» выявлено использование широкого спектра языковых средств (гиперонимов, гипонимов, сложной лексики с семами реципрокальности, рекуррентности лексем, анафоры, антитезы).

5. Анализ предикатов выявил использование глаголов как в *Indikativ*, так и широкое их употребление в косвенных наклонениях: *Konjunktiv I* и *Konjunktiv II*.

Дальнейшее изучение немецкого языкового законодательства позволит дать более полное понимание языковой политики ФРГ и языковых средств ее репрезентации в юридических текстах.

#### ИСТОЧНИКИ

1. Ausarbeitung. Sprache im Grundgesetz. — URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/424326/4931dfaeef45522c24c2a0842fb8569/wf-iii-064-06-pdf-data.pdf> (date of access: 21.10.2021). — Text : electronic.
2. Dialektatlas // Deutsche Welle. — URL: <https://www.dw.com/de/deutsch-lernen/dialektatlas/s-8150/> (date of access: 22.10.2021). — Text : electronic.
3. European Charter for Regional or Minority Languages. — URL: <https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages/text-of-the-charter/> (date of access: 24.10.2021). — Text : electronic.
4. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. — URL: <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/> (date of access: 21.10.2021). — Text : electronic.
5. Sachstand. Regional- und Minderheitensprachen und ihre Förderung in Deutschland. — URL: <https://www.bundestag.de/>

resource/blob/636974/8b759f62c1aaa71d793dacfa9b35bdbb/WD-10-025-19-pdf-data.pdf (date of access: 25.10.2021). — Text : electronic.

6. Zwischenbericht der Enquete-Kommission „Kultur in Deutschland“. — URL: <https://dserv.bundestag.de/btd/15/055/1505560.pdf> (date of access: 26.11.2021). — Text : electronic.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

7. Аврорин, В. А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР / В. А. Аврорин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1960. — № 4. — С. 361–382.
8. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика / Ю. Д. Дешериев. — Москва : Наука, 1977. — 382 с. — Текст : непосредственный.
9. Дешериев, Ю. Д. Языковая политика / Ю. Д. Дешериев. — Текст : непосредственный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Репринтное изд. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 616.
10. Дубровская, Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) / Т. В. Дубровская. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 117–123.
11. Дубровская, Т. В. Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентации в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» / Т. В. Дубровская, Е. И. Кожевникова. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 37–48.
12. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 488 с. — Текст : непосредственный.
13. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — 704 с. — Текст : непосредственный.
14. Кузнецов, С. Н. Геолингвистика, социоллингвистика, языковая политика: программы лекционных курсов профессора С. Н. Кузнецова (МГУ им. М. В. Ломоносова) / С. Н. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Современная наука. — 2017. — Т. 8. — № 1–3. — С. 92–100.
15. Падучева, Е. В. Анафорическое отношение / Е. В. Падучева. — Текст : непосредственный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Репринтное изд. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 32.
16. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : кол. моногр. / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин, Я. А. Ярославцева, Д. В. Арехина ; под ред. Т. В. Дубровской. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 248 с. — Текст : непосредственный.
17. Тагиль, И. П. Грамматика немецкого языка / И. П. Тагиль. — 6-е изд. — Санкт-Петербург : КАРО, 2010. — 496 с. — Текст : непосредственный.
18. Швейцер, А. Д. Введение в социоллингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. — Москва : Высшая школа, 1978. — 216 с. — Текст : непосредственный.
19. Baker, P. Key terms in discourse analysis / P. Baker, S. Ellece. — London ; New York : Continuum, 2011. — 234 p. — Text : unmediated.
20. Dovalil, V. Sprachenpolitik in der Tschechischen Republik (unter besondere Berücksichtigung der Beziehungen zur EU und zum Europarat) / V. Dovalil. — Text : unmediated // Beiträge der gemeinsamen Tagung des Vereins zur Förderung sprachwissenschaftlicher Studien e.V. und der Gesellschaft für Interlinguistik e.V. am 29. Oktober 2005 in Berlin sowie der 15. Jahrestagung der Gesellschaft für Interlinguistik e.V., 28.–30. Oktober 2005 in Berlin / Herausgegeben von D. Blanke und J. Scharnhorst. — Berlin, 2006. — S. 105–120.
21. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik. Band 2. Der Satz / P. Eisenberg ; unter Mitarbeit von Rolf Thierhof. — 4., aktualisierte und überarbeitete Auflage. — Stuttgart ; Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2013. — 272 S.
22. Fairclough, N. Analysing discourse. Textual analysis for social research. — New York : Taylor & Francis e-Library, 2004. — 270 p. — Text : unmediated.



23. Fishman, J. Sociolinguistics // *Handbook of Language and Ethnic Identity* ed. by J. A. Fishman. — New York ; Oxford : Oxford Univ. Pr., 1999. — P. 152–163.

24. Grin, F. Economics / F. Grin. — Text : unmediated // *Handbook of Language & Ethnic Identity* / ed. by J. A. Fishman. — New York ; Oxford : Oxford Univ. Pr., 1999. — P. 9–24.

25. Jochum, H. Sprachloyalität als Verfassungspflicht? / H. Jochum. — Text : unmediated // *Zeitschrift für Rechtspolitik*. — 2003. — № 1. — S. 27.

26. Johnson, D. C. Language Policy / D. C. Johnson. — New York : Palgrave Macmillan, 2013. — 291 p. — Text : unmediated.

27. Leeuwen, T. van. The representation of social actors in discourse / T. van Leeuwen. — Text : unmediated // *Text and practices: Readings in critical discourse analysis* / C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard (eds.). — London : Routledge, 1996. — P. 32–70.

28. Scharnhorst, J. Einführung in das Tagungsthema «Sprachenpolitik und Sprachkultur» / J. Scharnhorst. — Text : unmediated // *Beiträge der gemeinsamen Tagung des Vereins zur Förderung sprachwissenschaftlicher Studien e.V. und der Gesellschaft für Interlinguistik e.V. am 29. Oktober 2005 in Berlin sowie der 15. Jahrestagung der Gesellschaft für Interlinguistik e.V., 28.-30. Oktober 2005 in Berlin* / Herausgegeben von D. Blanke und J. Scharnhorst. — Berlin : GIL, 2006. — S. 11–19.

#### MATERIALS

1. *Elaboration. Language in the Constitution*. (n.d.). Retrieved October 21, 2021, from <https://www.bundestag.de/resource/blob/424326/4931dfacebf45522c24c2a0842fb8569/wf-iii-064-06-pdf-data.pdf>. (In German).

2. *Dialect atlas*. Deutsche Welle. (n.d.). Retrieved July 6, 2021, from <https://www.dw.com/de/deutsch-lernen/dialektatlas/s-8150/>. (In German).

3. *European Charter for Regional or Minority Languages*. (n.d.). Retrieved October 24, 2021, from <https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages/text-of-the-charter/>. (In English).

4. *German Constitution*. (n.d.). Retrieved October 21, 2022, from <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/>. (In German).

5. *State of affairs. Regional and minority languages and their promotion in Germany*. (n.d.). Retrieved October 25, 2021, from <https://www.bundestag.de/resource/blob/636974/8b759f62c1aaa71d793dacfa9b35bdeb/WD-10-025-19-pdf-data.pdf>. (In German).

6. *Interim Report of the Commission of Inquiry on "Culture in Germany"*. (n.d.). Retrieved November 26, 2021, from <https://dserver.bundestag.de/btd/15/055/1505560.pdf>. (In German).

#### REFERENCES

7. Avrorin, V. A. (1960). *Leninskaya natsional'naya politika i razvitiye literaturnykh yazykov narodov SSSR* [Lenin's national policy and the development of literary languages of the USSR's]. *Questions of linguistics*, 4, 361–382. (In Russ.).

8. Desheriev, Yu. D. (1977). *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistic]. Moscow: Nauka, 1977, 382 p. (In Russ.).

9. Desheriev, Ju. D. (1998). *Yazykovaya politika* [Language policy]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Linguistics. Big encyclopedic dictionary* (p. 616). Moscow: Great Russian Encyclopedia. (In Russ.).

10. Dubrovskaya, T. V. (2016). *Yuridicheskiy diskurs kak predmet sotsial'nogo konstruksionizma (konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy)* [Legal discourse as a subject of social constructionism (construction of interethnic relations)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3, 117–123. (In Russ.).

11. Dubrovskaya, T. V., & Kozhevnikova, E. I. (2020). *Gosudarstvennyy yazyk, yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika: reprezentatsii v tekste Federal'nogo zakona «O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii»* [State Language, Language Situation and Language Policy in Legislation: Representations in the Russian Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"]. *Nauchnyi dialog*, 10, 37–48. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-37-48. (In Russ.).

12. Zhrebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] (5<sup>th</sup> ed., rev. and add.). Nazran' : Pilgrim, 2010, 488 p. (In Russ.).

13. Knyazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika: russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics: Russian in a typological perspective]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 704 p. (In Russ.).

14. Kuznetsov, S. N. (2017). *Geolingvistika, sotsiolingvistika, yazykovaya politika: programmy lektzionnykh kursov professora S. N. Kuznetsova (MGU im. M. V. Lomonosova)* [Geolinguistics, sociolinguistics, language policy: programs of lecture courses of Professor S.N. Kuznetsov (Lomonosov Moscow State University)]. *Modern Science*, 8(1–3), 92–100. (In Russ.).

15. Paducheva, E. V. (1998). Anaphoric attitude. In V. N. Yartseva (Ed.), *Linguistics. Big encyclopedic dictionary* (Reprint ed., p. 32). Moscow: Great Russian Encyclopedia. (In Russ.).

16. Dubrovskaya, T. V. (author and ed.), Reva, E. K., Kozhevnikova, E. A., Jaroslavceva, Ja. A., & Arehina, D. V. (2017). *Politicheskiy, yuridicheskiy i massmediynnyy diskurs v aspekte konstruirovaniya mezhnatsional'nykh otnosheniy Rossiyskoy Federatsii : kol. monogr.* [Political, legal and mass media discourse in the aspect of constructing interethnic relations in the Russian Federation (coll. monograph)]. Moscow: Flinta, Nauka, 248 p. (In Russ.).

17. Tagil', I. P. (2010). *Grammatika nemetskogo yazyka* [German grammar] (6<sup>th</sup> ed.). Saint-Petersburg, 496 p.

18. Schweitzer, A. D., & Nikol'skiy, L. B. (1978). *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Introduction to sociolinguistics]. Moscow: High school, 216 p. (In Russ.).

19. Baker, P., & Ellece, S. (2011). *Key terms in discourse analysis*. London, New York: Continuum, 234 p.

20. Dovalil, V. (2006). Language policy in the Czech Republic (with special consideration of the relations with the EU and the Council of Europe). In D. Blanke & J. Scharnhorst (Eds.), *Contributions to the joint conference of the Association for the Promotion of Linguistic Studies and the Society for Interlinguistics e.V. on the October 29<sup>th</sup>, 2005 in Berlin as well as the 15<sup>th</sup> Annual Meeting of the Society for Interlinguistics e.V., 28–30<sup>th</sup> of October 2005 in Berlin* (pp. 105–120). Berlin: GIL, 2006. (In German).

21. Eisenberg, P. (2013). *German grammar. Volume 2: The sentence* (With the collaboration of Rolf Thierhof, 4th, updated and revised edition). Stuttgart, Weimar: publishing house J. B. Metzler, 272 p. (In German).

22. Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse. Textual analysis for social research*. New York: Taylor & Francis e-Library, 270 p.

23. Fishman, J. (1999). Sociolinguistics. In J. A. Fishman (Ed.), *Handbook of Language and Ethnic Identity* (pp. 152–163). New York / Oxford: Oxford University Press.

24. Grin, F. (1999). Economics. In J. A. Fishman (Ed.), *Handbook of Language & Ethnic Identity* (pp. 9–24). Oxford: Oxford University Press.

25. Jochum, H. (2003). Language loyalty as a constitutional requirement? *Journal of Legal Policy*, 1, 27.

26. Johnson, D. C. (2013). *Language Policy*. New York: Palgrave Macmillan, 291 p.

27. Scharnhorst, J. (2006). Introduction to the conference theme «Language Policy and Language Culture». In D. Blanke & J. Scharnhorst (Eds.), *Contributions to the joint conference of the Association for the Promotion of Linguistic Studies and the Society for Interlinguistics e.V. on the October 29<sup>th</sup>, 2005 in Berlin as well as the 15<sup>th</sup> Annual Meeting of the Society for Interlinguistics e.V., 28–30<sup>th</sup> of October 2005 in Berlin* (pp. 11–19). Berlin: GIL. (In German).

28. Van Leeuwen, T. (1996). The representation of social actors in discourse. In C. R. Caldas-Coulthard & M. Coulthard (Eds.), *Text and practices: Readings in critical discourse analysis* (pp. 32–70). London: Routledge.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Кожевникова Екатерина Игоревна — аспирант кафедры «Английский язык», Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40; e-mail: katarina2178@mail.ru.

**INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:** Kozhevnikova Ekaterina Igorevna, Post-Graduate Student of Department of English Language, Penza State University, Penza, Russia.